

Современные
рассказы
о любви

МУЖЧИНЫ О ЛЮБВИ

Современные рассказы

Олег РОЙ,

Антон ЧИЖ,

Роман СЕНЧИН,

Василий АКСЕНОВ,

Александр МЕЛЕХОВ,

Владимир МАКАНИН

и другие

Москва
2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М89

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении переплета использовано стихотворение
Родиона Белецкого «Девушек надо носить на руках...»

Мужчины о любви : современные рассказы / Олег Рой,
М89 Антон Чиж, Роман Сенчин, Василий Аксенов, Александр
Мелехов, Владимир Маканин и др. — Москва : Издатель-
ство «Э», 2015. — 384 с. — (Современные рассказы о любви).

ISBN 978-5-699-83385-6

Мужчины книги о любви не читают. Они их пишут. Придумывают любовные коллизии, приводят истории своих героев и героинь к трагической или счастливой развязке. Иногда в битвах с мужчинами за счастье женщинам так хочется заглянуть им в голову, чтобы понять: почему они не любят нас так, как нам хочется? Почему слышат одно, думают другое, а делают третье? Рассказы из этого сборника написали современные авторы – те, которые в наши дни формируют культурное пространство и влияют на умы. Читайте, дорогие женщины! Может быть, именно таким образом удастся постичь мужской ход мыслей...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мелехов А., 2015
© Чиж А., 2015
© Белецкий Р., 2015
© Малкин А., 2015
© Аксенов В., наследники, 2015
© Снегирёв А., 2015
© Новиков Е., 2015
© Сенчин Р., 2015
© Сотников В., 2015
© Филимонов А., 2015
© Садулаев Г., 2015
© Маканин В., 2015
© Абузяров И., 2015
© Резепкин О., 2015
© Оформление.

ISBN 978-5-699-83385-6

ООО «Издательство «Э», 2015

Александр МЕЛЕХОВ

Испытание верности

Олег с невольной гримасой страдания смотрел, как Светка, кося в зеркало, пинцетом подправляет брови, — у нее на лице было написано чувство, ввергавшее отцов-пустынников в сомнение, не служит ли самобичевание всего лишь новой разновидностью плотоугодничества. Он видел, что Светка им недовольна, но старался показать, что никакого недовольства нет, словно надеясь, что и она в конце концов ему поверит. Поэтому он заговорил с преувеличенной горячностью, как бы и не допуская мысли, что его разговор могут не поддержать.

— Знаешь, о чем я вчера подумал? — В вопросе больше контактности, чем в монологе. — Мы все сейчас ходим друг к другу в гости, как в публичный дом. Пришли развлекаться и готовы заплатить, но только точно по таксе. А попроси сверх этого, на чай, какого-нибудь элементарного участия — хоть скажи, что голова болит, — вытаращат глаза: какое неприличие, какое непонимание взаимных обязанностей!.. Парикмахер обслужил клиента и за это просится к нему переночевать. Мне раньше ка-

залось, что, когда люди собрались вместе, в этом уже содержится какое-то взаимное признание, какое-то обещание...

Олег мог бы еще долго чересчур горячо уточнять одолевавшую его в последнее время мысль, но жена чересчур спокойно прервала его:

— Странно, мне вчера показалось, что вы с Верочкой прекрасно понимаете друг друга. — До чего пристально она разглядывает свою бровь, просто с головой поглощена. Сразу видно, что сейчас она именно *жена*, а не просто Светка.

— Как ты не понимаешь! — Только ни единой ноты оправдания, лишь рядовая досада. — Для меня выразить интерес к женщине, в застолье, конечно, — просто форма вежливости.

— Да что ты оправдываешься (все-таки вставила это слово!), делай, как тебе нравится.

В жизни не видел, чтобы человека так занимало зрелище собственной брови.

— Чего мне оправдываться... Но как ты не можешь понять такую простую вещь...

— Да я же тебе сказала: делай что хочешь. Что ты на меня накинута? — Она иногда забывает о существовании нейтральных выражений, таких, например, как «выразил несогласие».

И так это она энергично укладывается, раз-два — и собралась. И не улыбнется на прощанье, что, мол, ладно, все это пустяки, — Олега это начинало удивлять. Но тем не менее «спокойной ночи» — и все. Дверь захлопнулась. Он бы сделал что-нибудь, если бы мог предположить, что она так вот и уйдет. Они никогда еще так не расставались, даже на полчаса, — расставание всегда было сигналом к примирению. Даже на полчаса, а тут целая ночь: она сегодня дежурила «ночным директором», —

почему-то в праздничные дни, кроме охраны, в конторе должен присутствовать кто-нибудь из белых воротничков, — водопроводчика, что ли, вызвать в случае всемирного потопа и тому подобное.

Нехорошо сделалось у него на душе — неужели его штуки наконец надоели ей по-настоящему? Да нет, никаких особенных штук, но все-таки он иногда начинал смотреть на себя ее глазами и от этого умиляться своими поступками, для других глаз, в том числе для его собственных, довольно сомнительными. Впрочем, она тоже этим грешила.

Слава богу — звонок! И она не выдержала. С церемонным поклоном распахнул дверь, выпрямился — прямо наваждение! Вера! Забрела на огонек. Такая же бойкая.

Он едва не выругался. Но, вмиг справившись, заговорил «по-свойски» с негласно условленной между ними дружелюбной грубоватостью: «О, здорово! Здорово, здорово, поздравляю с Международным женским». — «Спасибо, и мать вашу так же, ты жене-то хоть цветов купил?» — «У меня же нет личных денег (и лишних тоже), за ее, что ли, покупать». — «Подлецы вы, мужчины (это с одобрением), хотя сейчас к цветам не подступишься, совсем озверели, за каждый веник — пятерка». — «Пятерка — да лучше я полбанки куплю». — «Вам бы только пить» (это тоже с одобрением). — «Да разве я пью». — «Не пьешь, пока не наливают». — «Да смотри, вот у меня две недели пол-литра стоит и до сих пор абсолютно девственна». (Вере нравятся пикантные шутки.)

В этом месте Олег забормотал и засуетился с рюмками, изображая повышенный азарт гостеприимства: он осознал, что квартира на всю ночь в его распоряжении. Вера польщенно отмахивалась: да не надо ничего, вот, кстати, у нее ветчина — заскочила в здешний универ-

сам — тетки как звери — что у вас в сумке — это же они тоже не имеют права — ну, она распахивалась и говорит: что вы меня проверяете, это не на мне золотые кольца, а на вас.

За это она и нравится Олегу: в их компании она одна может сказать о себе: «распахивалась», а не «возмутилась». Олег начинает приходить в себя, но в смехе его уже слышна угодливость — классический атрибут оболыщения. Теперь перед ним *объект* — до дружелюбия ли тут.

И с удовольствием вспоминает, что в их возрасте с этим делом все наконец-то сделалось гораздо проще (несолидно только, что он об этом думает как пацан — будто черт-те о чем) и если он до сих пор не изменял жене, то лишь потому, что сам этого не хотел, побаивался, что ли, «переступить», — но вчера он был как никогда близок к грехопадению, помешали, вероятно, только условия места и времени. Кому, собственно, от этого плохо?

* * *

В те поры, когда во дворах еще громоздились целые пространства полениц, Верка в сатиновых шароварах бегала с мальчишками; шаровары мягким свисанием и покачиванием округляли, упрятавали ее тонконогую вертлявость чертенка. Когда она пробиралась в закуток меж гаражом и поленицей, Шурка толкнул ее в бок: гляди, Батрачиха зырит, а Верка отрезала без купюр: «Ну ее в ж...» Они там курили, а может, и еще чем-то занимались — она так и была оставлена в подозрении. А когда шуганула мать: «Верка, паразитка, а ну, вылезай!» — и попыталась сквозь щель вытянуть ее скрученным в жгут фартуком, который по пути стащила через голову, совсем распатлавшись, — Верка выскочила, как

ошпаренная кошка, только колыхание шаровар придавало ее бегу мягкую плавность, а мать кричала вслед, брала на пушку: «Я же все видела, как тебе не стыдно!» — а Верка бормотала под нос: «Стыдно, у кого видно».

В школе училась без всяких — схватит пару, так тут же исправит, а когда она оттарабанила квадраты чисел до тридцати, математичка, из-за своей полноты усвоившая манеру грубоватой, но мудрой бабы, покачала головой: умная голова, да дураку досталась. В техникуме — первая заводила вечеринок и пикников, похожих на вечеринки, «свой парень», злые языки поговаривают о чрезмерной легкости ее поведения, и не совсем без оснований, но легкость эта проистекает более из компанейского, чем эротического начала.

Олег хорошо представлял Веру в детстве, хотя и не знал ее тогда.

* * *

Нехитрая возня с рюмками и вилками не такое поглощающее занятие, чтобы оправдать молчание или хотя бы натужность в разговоре, но первые такты можно разыграть традиционно: хорошо прошла, первая колом — вторая соколом, огурчика бы сюда и т. п. Но дальше требуется кое-какая фантазия, во всяком случае ему, неосторожно приучившему знакомых к довольно изобретательному трепу. Однако корыстная задняя мысль пудовой гирей тянет на дно: оказывается, даже для балагурства нужна известная необязательность, свобода творчества.

Таким образом, довольно быстро и бесцеремонно выясняется, что говорить им не о чем. Пока они выезжают на игривых интонациях, но на них одних долго не протянешь. Олег пробует продолжить вчерашнюю, казалось бы, стопроцентно гарантированную линию воспоминаний о детских отчаянных выходках — бойцы, так сказать,

вспоминают минувшие дни, — но все вчерашнее сейчас почему-то не годится.

Да, меж двоими это был какой-то спектакль без зрителей. Неужели вчера это и был спектакль и каждый ценил в другом хорошего партнера? Противоречие между той мочалой, которую они жуют, и игриво-угодливыми интонациями становится все более разительным. Эти интонации не слишком нелепы лишь в качестве того, чем они и являются: в качестве пригласительной стадии к дальнейшему. Они словно провозглашают в открытую: смотрите, он не просто говорит — он готовит почву, вернее матрац. Но только что-то слишком медленно.

В ее голосе уже чувствуется недоумение, но она еще бодрится:

— Такие сволочи, подъезжает к остановке, а сам хоть бы чуть притормозил. Окатил вот досюда. Я специально с первой площадки села и говорю: пальто мне ваша жена будет стирать? Смотрит — луп, луп. Я спрашиваю, видите, что вы со мной сделали? Говорит: не может быть. Не может еще быть! Я говорю: а! по-вашему, я сама купалась? Так он нарочно от площади Победы до Тюменской сорок минут тащился. Чуть на работу из-за него не опоздала. Стала выходить — говорю: вам на катафалке надо работать.

— Ха-ха-ха, — говорит Олег (почти «хи-хи-хи» — он почти не перестает подхихикивать). — Это ты хорошо — на катафалке. Точно! Таким только на катафалке и работать! Покойников возить. Им ведь торопиться некуда. — Он в восторге от ее находчивости, и никак ему не отстать от этого катафалка. С катафалком как-то спокойнее. Он бы еще и пальто пошел посмотреть, только для этого пришлось бы включить свет.

Уже совсем стемнело, но света они не зажигали. От уличного фонаря на стене светился струистый паралле-

лограмм — такое волнистое стекло, хотя днем незаметно. Отсутствие света тоже обличало — с чего это вам так понравилось сидеть в темноте? — и требовало: или зажгите свет, или приступайте к делу. Но на Олега нашло такое оцепенение, какого он, кажется, не знал и в семнадцать лет. Чувственности темнота в комнате содержала не больше, чем темнота погребка с картошкой. Как будто просто погас свет. В полумраке женские лица обычно кажутся красивее, но ему было не до женских прелестей, — он уже просто не знал, как ему выпутаться.

Вдруг взять и включить свет? — на это требовалось, пожалуй, даже больше решимости. Мало того, что жалко оказаться идиотом — упустить такой случай, — но это значило бы окончательно показать ей, что все кончилось, атака захлебнулась, а все предыдущее, включая угодливость, игривость, темноту и рискованные шутки, было неизвестно зачем разыгранной комедией. Или разыгранной известно зачем, но помешала трусость. Олег прямо затосковал. Он решил было назначить себе срок, хотя бы досчитать до десяти, но удержался: всякий такой срок только подчеркнул бы его нерешительность — уже было ясно, что он «не переступит».

Но что за несчастье! Ведь вчера помешали только условия места и времени, его всерьез тянуло к ней, даже в груди что-то щекотало — не так чтобы очень, но все-таки, — это было, что ли, возбуждение от удачного партнера-сатирика, от музыки, движения? И решимость отсюда же? Выпивка и здесь была, но хмель его не брал, то есть в *этом* смысле не брал. Вчера во время танца он определенно ее прижал, во всяком случае усилию до этого не хватило какой-нибудь сотни граммов, — может, включить музыку, потанцевать? Но это тоже какой-то спектакль без зрителей... Главное, неловко прибегать к столь искусственным средствам возбуждения, — она

сразу поймет, она на этот счет очень шустрая. Возражать не будет, но поймет — лучше уж не надо. Она уже с отчетливым недоумением рассказывает, как соседка каждый день просит ее купить в булочной возле ее работы теплого хлеба — как-то установила, что в это время туда как раз подвозят теплый хлеб. Ха-ха-ха, теплый хлеб, говорит он, ничего себе — теплый хлеб. Ишь, лакомка какая — теплый хлеб ей подавай, дай ей теплого хлеба — и все тут. До чего народ разбаловался — без теплого хлеба к ним не суйся. Ну, не знал, что она такая сибаритка, а теплый хлеб, кстати, вреден для желудка, древние греки, а может, римы, теплый хлеб давали только рабам. А ей, значит, нужен теплый хлеб? Так-так. Так и запишем! Ну-у! И долго еще слышится: теплый хлеб, теплого хлеба, теплым хлебом.

Она пробует вернуться к проверенной теме — отчаянным выходкам — интересно, как она все это понимает? — предложила пощупать выше локтя шрам от кровельного железа. Он чуть потрогал — и обратно: не хотел прибегать к фальшивому (и понятному ей) поводу пощупать — в духе восьмого класса, и потом, лишнее щупанье — лишняя атака, за которой последует лишнее отступление, а что оно последует — он уже не сомневался.

Силуэт Веры удалился в туалет, и какая-то слишком широкая вертикальная полоса света, казалось, говорила о том, что она не заперла дверь на задвижку. Он старался не слышать, что там происходит, но все-таки невольно прислушивался. А потом испытание возобновилось.

Ночь тянулась бесконечно, словно полярная. Так долго, что у него возникли серьезные сомнения, будет ли она вообще иметь конец, но недостаточно долго, чтобы эти сомнения успели рассеяться. Его угодливость из игриво-ласковой приняла форму адъютантской подтянутости, готовности ловко вскочить и щелкнуть каблуками,

ловко поклониться, ловко подтвердить, предложить руку. А может быть, это была лакейская подтянутость. Даже мышцы лица устали от подтянутого выражения. И он, галантно опрокидывая стопочку за стопочкой, переносил подтянутость долгие зимние месяцы, и даже крошечная печурка не потрескивала в его одинокой хижине. Где-то ближе к полярной весне он, подтянуто позвякивая шпорами, ощупью варил кофе, и кофейная лужица на столе потом служила для него неиссякаемым источником развлечений, даже когда она совсем рассосалась в скатерти.

А когда зажегся свет, это была не весна, а просто свет, словно после киносеанса. Они оба очень прозаически щурились от бестактно яркого света и готовы были отгонять его от глаз, как дым. Лица у обоих были мятые и пятнистые от водки и нелепости. Подтянутости уже не было, а была не очень сильная — начальственная — виноватость, будто он отказал просителю в его просьбе на основании государственных соображений. Про пятно на скатерти было уже забыто, что оно кофейное, и теперь оно было заурядно неприличным.

Когда она с усилием задегивала басисто рычащие молнии на сапогах, он просительно пошутил: «У тебя молнии с громом». Она неллицемерно хмыкнула и пожала одним плечом. «Посиди еще», — простодушно предложил он, и она снова не стала финтить: выпрямившись, с еще набухшим от напряжения лицом, прямо глядя ему в глаза, спросила: «А чего высиживать? Пойду, пока трамваи ходят». — «А разве они сейчас ходят?» — автоматически спросил Олег, со страхом отыскивая в ее лице признаки насмешки. «А чего им не ходить — одиннадцать часов». Насмешки не было, наоборот, она смотрела с высокомерием оскорбленного, с тем высокомерием, которое, собственно, должно показать, что оскорбленный вовсе и не оскорблен. Олег ответил младенческой ожив-

ленностью, живо интересующейся и цветом пуговиц собеседника, и его сапогами, ушами, а также вешалкой, абажуром, дверным замком...

Когда дверь захлопнулась, Олег с младенческим любопытством снова рассмотрел коврик у двери, абажур, свою рубашку, поскреб ногтем пятнышко на рукаве. Потом он увидел себя в зеркале и вдруг, развязно осклабясь, подмигнул себе, чего никогда прежде не делал, поспешно отвернулся, бесшабашно воскликнул: «А! Плевать!» — но зябко передернул плечами. Небрежной походочкой прошелся по комнате, подергивая углом рта, — что-то вроде нервно-презрительной ухмылки, — хотел, будто веником в парилке, огреть себя разок-другой какой-нибудь разудалой шуткой и внезапно, подойдя к кровати, — кажется, он уже догадывался, зачем к ней идет, — что есть мочи хватил по ней кулаком и плюхнулся на нее лицом вниз.

От водки и музейного духа покрывала сразу стало душно, он перевернулся на бок, лицом к стене и изо всех сил зажмурился, так что в глазах запрыгали желтые огоньки. «Идиотыидиотыидиотыидиот...» — корчась от неловкости, твердил он до тех пор, пока неловкость вдруг разом не смыло тревогой: да ведь он теперь больше никогда не сможет обнять женщину — обязательно вспомнит сегодняшнее, и им овладеет оцепенение. Но если он даже не посчитается с ним, бросится как с обрыва, — это приведет только к еще гораздо худшему позору. Здесь нужно не мужество отчаяния... Может, сегодня ему просто перед Светкой было совестно? Хоть не ври — про Светку он ни разу и не вспомнил. Да и что, убудет ее от этого! И он, сжимая ладонями виски, долго перекатывался с боку на бок и, кажется, даже постукивался лбом о стену.

Долго-долго он рассматривал невиданно пышную обойную флору, и столько ему в ней открылось: и недо-

рисованные профили — и так, и вверх ногами, — и глаза, и детали верблюдинок, и кукиши — всего не перечислить. А потом он как-то вдруг спросил себя по старой методе: да в самом ли деле ему чего-то этакого хотелось? И с неожиданной радостью ответил: именно что не хотелось!

Больше того, в его нежелании было прямо-таки упрямство, как будто его заставляли что-то сделать, а он все больше набывчивался. Угодливость? она мешала, она ему всегда плохо удавалась — приветливость с задней мыслью.

Но нет, этого мало, он еще явственно ощущал... — на что же это похоже? А! Вот на что! Подбегает к тебе кто-то, смеется, трясет руку — а ты почему-то не можешь ему радоваться. И неловко тебе — а не можешь. И не его стыдно обмануть — ему было бы только лучше, — нет! — стыдно как будто перед самими знаками радости. Вроде как они такие дорогие для тебя вещи, что совестно использовать их не по назначению. Вот оно что! Раньше эротические ласки были для него прежде всего средствами самостимулирования, а теперь они стали для него именно *ласками*, выражающими *ласковость*, доброжелательство, обещание помочь, если потребуется...

Но все-таки — а вдруг этот страх теперь привяжется к нему насовсем?.. Черт, и Светки нет, как назло, а то бы прямо сейчас попробовал...

Он нервно прошелся по комнате, выглянул в окно.

Первый этаж, вокруг фонаря все отлично видно. Кругляшки недавно спиленных ветвей светятся половинками разрезанных репок. Мартовский снег, потемневший, скристаллизовавшийся, ногами размолотый в рассыпчатый песок, чуть присыпанный новым снежком, тоже уже притоптанным, проглядывал сквозь него зернышками, будто манная каша сквозь молочную пенку. Чуть поодаль виднелся телефон-автомат, накренившийся, как